

А Ци, смутившись, укрылся под одеялом, тихонько смеясь. Накопившийся за месяц гнев словно полностью рассеялся. В сердце А Ци невольно вырвался вздох. Какой же он бесхарактерный! Но что поделать, если он сам привязался к этому человеку.

Ань Жун знал, что тот прячется под одеялом и тихо радуется. Уголки его губ слегка приподнялись в улыбке. Если бы он не услышал в комнате слова «господин Цюэ», разве бы всё сложилось так удачно? Но он не станет рассказывать об этом А Ци.

В городе Гуанлин ходила древняя легенда. Согласно ей, если в середине третьего лунного месяца во время храмового праздника повесить красную тканевую ленту на ветви тысячелетнего дерева перед Храмом Лунного Старца, а затем пройти под этой лентой вдвоём, то эти двое будут неразлучны всю жизнь, навеки вместе.

А Ци был мужчиной и не верил в такие девичьи сказки, но всё же за несколько дней до праздника отправился в западную часть города к Храму Лунного Старца, где с благоговением повесил красную ленту. Закончив, он сложил руки перед грудью и поклонился несколько раз, боясь, что недостаточно почтителен и боги не обратят на него внимания.

В праздник Лян Жуфэн, конечно же, заранее пригласил Ань Жуну прогуляться и насладиться весной. В Гуанлине весна приходит поздно, и лишь в середине третьего месяца начинают появляться первые её признаки, время, когда расцветают все цветы.

Ещё до рассвета, когда запел петух, А Ци поспешно поднялся с кровати Ань Жуну, быстро оделся и покинул комнату, боясь, что его кто-то увидит. Уже то, что он провёл ночь у Ань Жуну, было для него огромной милостью, а если бы его обнаружили, Ань Жун наверняка разозлился бы на него. А Ци знал меру и учитывал все эти детали.

Лёжа на кровати, Ань Жун услышал шум и вдруг открыл глаза, увидев лишь спешно удаляющуюся спину того человека. В комнате осталась лишь пустота. Уже потеплело, и печь в комнате давно убрали. Ань Жун знал, что тот боялся встретить кого-то.

Взгляд Ань Жуну стал затуманенным. Он вспоминал, как прошлой ночью, в момент их глубокого единения, он сказал тому, что завтра будет сопровождать господина Ляна. Тогда он явно почувствовал, как тело в его объятиях напряглось, но всё же продолжил говорить. Что он сказал? Кажется, что будет спать с господином Ляном.

Ань Жун думал, что он странный. Перед другими он всегда был холоден и отстранён, но перед этим человеком ему почему-то нравилось разрывать свои раны, показывая их ему. Ему нравилось видеть, как А Ци страдает и переживает за него. Или, скорее, он болезненно наслаждался этой болью и сочувствием... Жизнь всегда идёт не так, как ожидаешь. Кто бы мог подумать, что в годы унижений и мести он встретит такого дурака? Просто игрушка для облегчения печали... А игрушки всегда выбрасывают... Ни в коем случае нельзя терять сердце...

Ещё не наступил час мао, когда карета господина Ляна уже ждала Ань Жуну у ворот Двора Вечной Весны. Роса была густой, и грива лошади покрылась лёгкой влагой, — видимо, карета прибыла уже давно.

Тёплый весенний ветерок колыхал ветви ивы. Колёса кареты постукивали по мостовой, медленно въезжая на оживлённую улицу Линьань. А Ци также следовал за каретой.

— Остановитесь.

Раздался холодный голос Ань Жуна, и кучер остановил лошадь.

Ань Жун приподнял бамбуковую занавеску и выглянул наружу:

— Поднимайся.

Эти слова явно были обращены к А Ци.

Двое сидели близко друг к другу в карете, где царил полумрак. Внутреннее убранство было изысканным: длинный деревянный стол с фруктами и семечками, а на сиденье сзади могли уместиться двое с запасом места. По сравнению с каретой, на которой они ездили в Храм Таожань, трудно было сказать, какая лучше.

Ань Жун сидел рядом, читая свиток, а А Ци тихо сидел рядом, не смея пошевелиться, чтобы не потревожить читающего. Возможно, из-за долгого бездействия тело начало затекать, и А Ци слегка наклонился в сторону.

Это резкое движение привлекло внимание Ань Жуна, и А Ци смутился:

— Нога затекла.

Ань Жун смотрел на него с неясным выражением лица, ничего не говоря. А Ци становилось всё более неловко, он корил себя за то, что прервал досуг господина Лин. Он слегка опустил голову, а в уголке глаза мелькнул яркий красный цвет. Сегодня он был одет так ярко, кроваво-красный цвет подчёркивал его бледное и прекрасное лицо.

— Тебе идёт красный, — вдруг произнёс А Ци.

Сказав это, он глупо засмеялся, а затем, словно вспомнив что-то, тихо добавил:

— И белый тоже идёт... Всё тебе идёт...

Ань Жун смотрел на этого обычного с виду мужчину. Весной одежда была тонкой, и шрам на его шее, выделявшийся на фоне низкого воротника, был особенно заметен. Он смотрел на его беспокойно сложенные руки, на которых следы обморожений уже исчезли, но остались красные пятна. Эти руки годами выполняли тяжёлую работу и выглядели неважно. На теле этого человека были следы жизненных тягот.

— Шрам ещё болит? — Ань Жун протянул руку и коснулся выпуклого шрама.

А Ци почувствовал на шее приятную прохладу и мягкость, а в животе разлилось тепло. По мере того как рука двигалась, тепло становилось всё сильнее, а сердце бешено колотилось.

Внезапно А Ци схватил эту гладкую и нежную, словно выточенную из нефрита, руку. Его сердце было переполнено волнением, он сглотнул:

— Не... не соблазнь меня...

Услышав это, Ань Жун рассмеялся. Его холодная красота была ослепительной, а улыбка ещё больше очаровала А Ци.

Сглотнув слюну, А Ци решился и прижал Ань Жуна к сиденью кареты. Тёмные волосы рассыпались по подушке, и А Ци вдруг увидел на шее Ань Жуна длинный тонкий шрам. Раньше он был слишком робок, чтобы внимательно смотреть на него, и никогда не замечал этого.

Огонь в его сердце мгновенно погас. А Ци последовал его примеру и грубым пальцем коснулся розового шрама на его шее. Безупречный, как нефрит, человек оказался с изъяном. А Ци почувствовал боль в сердце:

— Кто это сделал?

В его глазах горел гнев.

— Я сам.

Все слова мгновенно оборвались. А Ци крепко обнял этого бледного человека и прошептал ему на ухо:

— Я буду старательно зарабатывать деньги и вытащу тебя из этого проклятого места. Я, А Ци, клянусь, что разбогатею.

Взгляд Ань Жун застыл, в нём читалась глубокая печаль. Воспоминания, связанные с этим шрамом, хлынули потоком.

А Ци, видя, что Ань Жун молчит, решил, что тот презирает его бедность, и поспешил пообещать:

— Вся жизнь впереди, подожди меня.

— Хорошо.

Ань Жун, конечно, сказал это просто так, но А Ци воспринял это всерьёз. Он действительно поверил, что, если разбогатеет, Ань Жун уйдёт с ним.

Карета быстро добралась до реки Хуайму. В праздник на воде было множество лодок, и самая роскошная из них стояла у берега. На её носу стояли Лян Жифэн и И Сюнь. Зелёная вода и шум толпы создавали атмосферу праздника. Гуанлин действительно переживал самый расцвет.

Ань Жун и А Ци вышли из кареты и подошли к берегу, прямо к Лян Жифэну.

— Господин Лян, — Ань Жун слегка поклонился.

— Поднимайтесь, — Лян Жифэн помог Ань Жуну подняться на лодку, а затем взглянул на А Ци, задумавшись на мгновение. — Кажется, я где-то тебя видел.

— В Тереме Пьяного Бессмертного на улице Тунфу, — спокойно ответил Ань Жун.

— Что-то припоминаю. Тогда ещё был брат И.

А Ци очень не любил этого Ляна и не хотел с ним здороваться, но раз тот упомянул его, он не мог больше притворяться глухим. Неохотно он произнёс:

— Здравствуйте, господа.

— Поднимайтесь, обслуживайте вашего господина Лин.

А Ци с каменным лицом поднялся на лодку.

Тёплый ветерок опьянял гуляющих, проникая через щели лодки и поднимая полы одежды Ань

Жуна. Аромат вина разносился по всей лодке. Сердце А Ци, как и этот лёгкий ветерок и аромат вина, притягивалось к Ань Жуну, который, держа бокал, выглядел так, что А Ци не мог отвести взгляд.

— Брат Лян, я слышал, что ваш отец рекомендовал вас императору для расследования дела о растрате средств на помощь пострадавшим в Лянчжоу. Если вы успешно завершите это дело, то вернётесь с триумфом.

Лян Жуфэн выпил глоток горького вина и усмехнулся:

— Какой бы ни был триумф, он не сравнится с тем, что у кого-то есть знатная мать и сестра, которая шепчет императору на ухо.

Эти слова явно были направлены на его младшего брата.

И Сюнь тоже промолчал, глядя на реку. Он сам был незаконнорожденным сыном, и в этом они с Лян Жуфэном были схожи.

Ань Жун, долгое время молчавший, тихо произнёс:

— Господин Лян, вам стоит хорошенько обдумать слова «Небеса вознаграждают трудолюбие» и «Усилия не пропадают даром».

<http://bllate.org/book/16237/1459431>